

- Полупики вперед! Полупики вперед, черти! - заорал Солнечный Луч, обращаясь к защитникам самодельной баррикады в нескольких метрах от ворот, и махнул катаной.

– Спокойно! Спокойнее, бойцы! Готовьте залп! – закричал Солнечный Луч гарнизонным воинам и разведчикам Шестнадцатого патруля, что держали наготове копья и луки, стоя за баррикадой внутри этого небольшого замка. Джоффри трясло, пока он проверял натяжение тетивы, целясь в ворота, когда они задрожали от очередного душераздирающего рева жажды крови с другой стороны; сердце колотилось как гонг.

- ууууууууУУУУУУУУУУУУЗЗЗЗЗЗАААААААааааааа! - взревели кочевники, когда ворота прогнулись и дерево закричало в агонии. Однолучник рядом с Джоффри отпрыгнул назад, как будто он не мог сдерживаться дольше.

- Прошу вас, мы... - его крик прервался из-за сабли Солнечного луча, которая пробила горло воина.

-uuuuuYUUUUUUUUUUUUUUUUU3333333333Aaaaaaaaaaaaaaaaaaaaa! - словно сами стены задрожали от клика кочевников.

- ОТОЙДИТЕ ОТ ВОРОТ! - заорал Солнечный Луч солдатам, которые уже сами бросились прочь от врат, устремившись к баррикадам.

[illegible]

Яркий свет, светил через брешь, почти ослепляя защитников, но Джоффри всё же увидел воинов-кочевников, которые словно выливались сплошным потоком через ворота; их нечеткие силуэты сливались в ярких лучах, пока они мчались вперед, высоко подняв топоры и ревя со всей мощью, навалившись настоящей лавиной в небольшое пространство между воротами и баррикадой.

Джоффри увидел их сумасшедшие глаза, он заметил кровь на остро заточенных топорах, он мог видеть тщательно заплетенные бороды, украшенные полудрагоценными камнями. Джоффри почувствовал, как воздух медленно входит в легкие Солнечного Луча, как расширяется его грудь, как медленно, так медленно открывается рот...

– ...Плииииии! – проревел офицер голосом, будто растянулся до бесконечности, не прерываясь ни на мгновение, усиленный мощным звуком отпущенных тетив и свистами тучи стрел; и какофония кажется усиливалась с каждой секундой, пока лавина звуков не затопила слух Джоффри полностью...

Принц уже пробежал половину комнаты с мечом в руке, прежде чем смог остановить собственное тело. Тусклые лунные лучи просачивались сквозь полузакрытые шторы, создавая в комнате Джоффри потусторонний вид.

По крайней мере сегодня я не выбежал в коридор, ведь в предыдущий раз у бедного Джека едва не остановилось сердце... подумал он, стараясь умирить свое сумасшедшее дыхание.

Это все усложняло. Казалось, что белые ходоки всё же прокляли его, когда чуть не убили там, в запредельном, заставляя переживать заново воспоминания о войне, снова и снова, и он не имел передышки даже во снах.

Ночные кошмары постепенно становились страшнее и страшнее, пока не достигли своеобразного пика, и теперь ему каждую ночь снились Ходоки и вихты, старые воспоминания и сумасшедшие фантазии, где реальные события сливались с выдумками без всякой логики.

Иногда он сражался на стенах Крепости Рассвета бок о бок с Джоном, в другом тихо разговаривал с Сансой, которая заняла место Джоса, прежде чем невнятные существа из теней и тьмы набросились на них, порвав в клочья палатку Высокой Луны так, словно она была сделана из масла.

Видение Красного замка, покрытого льдом, преследовали его, усиленные волнами вихтов, одетых в одежды Простора, иногда он сам буквально гнил в темнице, не имея никакой возможности повлиять на хоть что-то.

Он должен был, несмотря на отчаяние, обратиться к одному из двух старых друзей, который помогли ему в прошлом с исцелением души, к менее разговорчивому из тех двух.

Джоффри быстро оделся в свой привычный кожаный доспех, прицепил меч на пояс и взял небольшой, как раз такого размера, чтобы поместиться в ладони, кошелек со стола возле кровати. Он тихо отворил дверь и слегка кивнул Джеку, Красный Плащ кивнул ему в ответ... без сомнения, часовой чувствовал себя благодарным, что ему не пришлось отпрыгивать с криком, как в прошлый раз, когда в Джоффри выбежал в коридор посреди ночи...

- Видел какие-либо кошачьи лапы поблизости, Джек? – спросил он с легкой улыбкой.

- Еще нет, мой принц, – ответил часовой, который уже привык к странным привычкам своего господина.

Джоффри оставил его и остальную часть Крепости Мейгора позади, шагая вниз по многочисленным лестницам и коридорам, руководствуясь полузабытыми воспоминаниями, которые все же почему-то ощущались свежими, как летний морской бриз, и из-за этого безошибочно двигался сквозь темноту, пока не добрался до окна, а затем резко остановился.

Башня Десницы горделиво возвышалась в ночном небе, как и всегда, монумент предкам прошлых столетий, чья постоянная борьба против различных королей-самодуров была забыта всеми, кроме отдельных наиболее вопиющих случаев.

- Нед... – прошептал Джоффри почти с тоской в голосе, слегка наклонившись в сторону башни.

Он покачал головой, отошел на шаг и продолжил шествие. Тот, кого он сам для себя в глубине души называл отцом, теперь относился к принцу не иначе, как к очередному незнакомцу.

Несмотря на то, что чардрево Красного Замка было лишь плохой копией великана Винтерфелла, оно все же помогало ему, когда он сидел под ним со скрещенными ногами, прямой спиной и разумом без мыслей.

Он научился у Джоса значительно более сложной форме медитации, сначала просто с интересом наблюдая за ним, а позднее – под руководством самого мага. Спина и плечи расслаблены, однако слегка приподняты руки, со сведенными кольцом большим и указательным пальцами – все это кажется помогало легче перейти к более расслабленному сознанию.

Именно здесь, под тусклым лунным светом и тихим поскрипыванием ветвей чардрева, в самом сердце богороши Красного Замка, он мог наконец отдохнуть от бремени прошлого.

По крайней мере на некоторое время.

Вскоре его осветили первые лучи восходящего солнца. Джоффри должен был бы испытывать ярость по жизни в общем, через то, какими короткими ощущались эти моменты покоя, но он уже давно научился философски воспринимать удары бытия.

И еще юноша обнаружил, что открывает тот небольшой кошелек и рассматривает костяную пластину, которую он похитил из кабинета грандмейстера Пицеля.

Этот старый костяной партнер выглядел в общем неизменно, но с одним колоссальным отличием. Бесконечно сложный комплекс порезов, прямоугольников и кругов, который состоял из одной странной руны, увеличился в размере. Теперь резьба покрывала половину кости своим непостижимым в сложности узором; каждый элемент резьбы являлся как бы отдельным произведением искусства и очевидно отличался от соседних. Оказалось, что не он один вырос за долгие годы, проведенные на востоке.

Прошло много, много времени с тех пор, как Джоффри испытывал какие-либо иллюзии или заблуждения относительно величия своего эго.

Однако то, что он снова и снова приходил к тому самому выводу, обдумывая все факты, не оставляло ему другого выбора, кроме принятия правды... Одна или несколько сущностей, которые находились за пределами воображения и понимания, пытались как-то связаться с ним.

Костяная пластина, странное резьба, этим они пытались что-то ему сообщить... но ему до сих пор не хватало... кода или понимания знаков для расшифровки.

Юноша оказался в центре грандиозной схемы из льда, смерти и Пурпура, не имея никакого представления относительно своего истинного места в этом всем... и он не знал, хорошо это или плохо, но со временем все-таки должен узнать правду относительно всего этого... то была одновременно пугающая и ожидаемая перспектива.

Он до сих пор держал в памяти образы тех страшных рун под Костяным Городом, да и как он мог бы их забыть? Видение солдат, деревьев и булав преследовали его в снах вместе с белыми Ходоками и льдом. Что те три вещи имеют между собой общего? И что означают другие руны? Ведь он смог разгадать значения только трех, но там их было много... очень много...

Я не могу наугад искать путь, - подумал он, как бы давая самому себе обещание. Ему нужны ответы, и в этот раз необходимо придерживаться намеченного плана. А что с Вестеросом? Что будет с моей семьей? Что будет с моими друзьями? Шептал предательский внутренний голосок в голове. Он не имел на это ответа, лишь глубокое печальное беспокойство.

Дальше стало очевидно, что в конце концов Бес со своим предложением попытается вновь его поймать. Едва месяц прошел после прибытия каравана, полного обескураженных дворян и перепуганных мастеров, в столицу... Тириону этого времени было более чем достаточно, чтобы приготовить ловушку.

Дядя нашел его на верхушке одной из башен Твердыни: безлюдное место, которое принц любил использовать для размышлений и хобби. Юноша пытался вернуть старые навыки, например, рисуя хрупкой кистью из конского волоса впервые, казалось, за столетия.

Картина изображала Королевскую Гавань с неразличимыми деталями, размытыми коричневым, красным и зеленым. За городом раздались равнины и леса Королевских земель, все в больших зеленых и синих пятнах.

Композиция была такой ужасной, что его бывшая тироштийская учительница получила бы сердечный приступ, если бы увидела это, хотя на самом деле его больше смущало то, что он не мог вспомнить ее имя.

Все же, это занятие придавало определенное ощущение такого необходимого покоя, который длился дольше, чем субъективное облегчение после медитаций под чардревом.

Джоффри заметил отдаленное шарканье ног Тириона задолго до того, как дядя открыл люк в полу башни, и с трудом сдержал смех над ворчливым сопением, которое предшествовало открытию.

- Наконец-то! - воскликнул Бес, откинул люк в сторону и поднялся по последним ступенькам,

- Разве ты не мог найти более доступное место для тайника, племянник?! - проворчал он, садясь, и попытался восстановить дыхание.

- Ага, но это противоречило бы самой сути понятия "тайник", не так ли, дядя? - отрезал

Джоффри, улыбаясь этой ситуации, и продолжил рисование. Такие моменты наполняли его душу спокойствием, словно масло - масляную лампу.

- Ну, я мог бы придумать немало укрытий, значительно более доступных, и с компанией, значительно приятнее, чем пара книг и украденное одеяло, - ответил тот благоразумно, осматривая это небольшое гнездышко, что соорудил себе Джоффри на одной из башен.

- Даже не сомневаюсь, дядя. Я бы никогда не поставил под сомнение точку зрения одного из самых известных ценителей столичной живописи, - добавил Джоффри с сарказмом.

- Интересно, что ты сам об этом упомянул. Понимаешь, я гулял, ну точнее, бродил по Шелково... - что бы там он ни хотел сказать, он прервался, как только заметил его картину.

- Да-да, знаю. Город имеет вид кучи навоза... скажу в оправдание лишь, что настоящий город выглядит не намного лучше! - сказал принц с вызовом в голосе,

- Гм, не хватает серой краски, - пробормотал он и пригнулся, ища взглядом одну из ценных емкостей из Тироша с красками, которые стояли на земле под кухонным стульчиком - подставкой для картины.

Тирион ошеломленно смотрел, моргая.

- Нет, нет, что же... я... это неплохо, просто слишком абстрактно, так сказать, - он склонил голову, осознавая, что только что сказал,

- Когда это ты научился рисовать? - спросил Бес таким тоном, словно требовал ответа у самого пространства, а не у племянника.

- Уже давненько, однако я и тогда рисовал не очень красиво, а теперь еще и подзабыл навыки...
- ответил Джоффри, пожимая плечами,

- Можешь передать мне четвертьюмовую кисть? - спросил он.

Тирион оглянулся назад, смущенный вопросом, и взглянул на маленький столик возле себя. Он немного потерял дар речи, а затем наклонился над столом, неуверенно держа руку над десятком разнообразных цветных кистей разного размера.

- Эту слева, - подсказал Джоффри, немного отклоняясь направо и разглядывая город, прежде чем добавить немного серой краски туда, где должна была бы находиться Стальная улица.

Тирион передавал ему кисти, получая в ответ невнятное "спасибо", пока Джоффри напряженно всматривался в кажется маловажный уголок картины. Тирион почесал голову, пристально вглядываясь в парня, прежде чем, так сказать, метафорически решил послать все в жопу.

- Недавно я размышлял над твоим душевным состоянием...

- Со мной все хорошо, дядя, - прервал его Джоффри страдальческим голосом, однако Тирион продолжил, обращая на слова парня внимания не больше, чем на шум ветра.

- ...и когда я узнал, что Мирцелла довольно неплохо справляется с удержанием тебя в

сознании, то подумал, что компания старшей, более опытной женщины может сотворить чудо с твоим перенапряжённым умом, – сказал он,

– По крайней мере это срабатывает со мной, – добавил он оживленно.

Стальная улица неожиданно прервалась U-образным зигзагом, который продолжился до Королевских ворот.

– Черт возьми, Тирион! – отозвался юноша, откинувшись назад, и уставился взглядом в тот цветной беспорядок на картине,

– А я еще собирался подарить тебе бутылку выдержанного дорнийского красного... – сказал он как будто и не обращаясь к кому-то конкретно, ища небольшой платочек и словно игнорируя дядю.

Если проклятый Бес как-то и воспринял возможность потери хорошего вина, то не выказал этого:

– Я же серьезно говорю, Джоффри, я же вижу, что ты пробуешь все подряд, чтобы избавиться от кошмаров, в том числе сон под деревом... может тебе кое-что другое поможет, – искренне добавил он, словно говорил древнюю мудрость.

– Тирион, ты ни за что не убедишь меня пойти в бордель, – серьезно ответил юноша, стирая с полотна Стальную улицу, и начиная заново.

– Э-х, ну что же. Видимо, я тогда пойду к Мирцелле... – молвил Бес, словно ни к кому конкретно не обращаясь, и направился обратно к люку.

– ...Что? – ошеломленно переспросил Джоффри.

– Я не расскажу ей о деталях. Просто скажу ей, что есть одно особое место, где специализируются на успокоении мужских проблем, и что ей следует убедить своего брата сходить туда, потому что это может помочь ему... с его приступами.

– Ты же не посме... – начал Джоффри.

– Я сделаю все возможное для своего племянника, – сказал Тирион.

Джоффри застыл с выражением разочарования:

– Не важно, с деталями или без них, матушка все равно потребует твою голову, если узнает... Клянусь богами, у нее будет инфаркт, – пробормотал он, заранее зная ответ.

– А-а, даже одно это стоит такой попытки! – ответил Тирион.

Между ними воцарилась пауза, и наконец Джоффри сильно вздохнул:

– Давай тогда покончим с тем, – проворчал он, признавая поражение, положил кисти в сторону и поднялся.

Я до сих пор девственник.

И мысль грозила вызвать неконтролируемый смех. Он сражался против чудовищ за пределами человеческого воображения и видел чудеса, которые начались в начале существования вселенной, и все же он до сих пор не знал женщины.

Джоффри все же время от времени флиртовал и пировал после той позорной попытки с Лиз, но всегда возникали какие-то неотложные проблемы, препятствовавшие логическому окончанию тех возможностей...

Всегда есть что-то важнее и срочнее чем быстрая ночная интрижка.

Эта конкретная отмазка становилась все более лицемерной с течением времени... действительно, всего лишь отговорка... такая же, как та с ожиданием "той единственной". После всех этих лет Джоффри стал достаточно умелым в самоанализе... и он знал, когда сам себе врет.

Он прервал эту невеселую цепочку мыслей и перевел внимание на улицы Королевской Гавани. Лавочники и мелкие продавцы всех мастей переполняли площадь Рыбаков, продавая все многообразие морской жизни, от мелких устриц до крупной морской рыбы.

Они оба, принц и Тирион, ехали верхом на пыльных бурых конях, одетые в дорожную, но практичную одежду.

Тирион желал, чтобы их воспринимали как двух сыновей провинциального лорда, дворянских оболтусов, что прибыли в столицу потратить золотые драконы, полученные налогом с крестьян, на знаменитых проституток Шелковой улице.

Джоффри не знал, кого Тирион хотел этим обмануть, ведь было не так много карликов благородного происхождения в Вестеросе, да и к тому же Тирион был постоянным посетителем. Все же он решил подыграть дяде, когда они продвигались по городу, пропускали мимо лавочников и ремесленников, мастеров и рабочих, что, казалось, переполняли собой это оживленный город.

Стайка ребятишек окружила их на пути к Шелковой улице; их худые, хмурые лица скрывали безжалостность улицы. Они не имели при себе стражи, играя роль провинциальных дворян, которые не ведают об опасности большого города.

Дети, которые выглядели так, словно давно голодают, набросились со всех сторон на двух всадников, подбегая к лошадям и прося монетки, однако, придерживаясь определенной дистанции, на случай, если Джоффри вытащит свой меч.

Выглядело так, будто у этой малышни было немало опыта в обращении с дворянами.

- Всего лишь монетку на еду, милорд, - сказал один из них, рискуя подойти ближе других.

Глаза Джоффри расфокусировались, он слегка потянул за поводья, останавливая коня, и быстро моргнул, вспоминая холодную, медленно жгучую боль от голодания, сразу вытащил один из своих двух кошельков и дал малому серебряного оленя.

Сирота выглядел почти заколдованным, когда схватил монету, пытаясь согнуть ее, словно чтобы убедиться в ее подлинности. Остальные дети поедали взглядами ту монету с шоком и

завистью, подходя к тому счастливицу, очевидно сейчас в их головах мелькали десятки злых мыслей, обусловленных тяжелым реализмом нищей жизни.

- Подойдите, здесь хватит на всех вас, - проговорил Джоффри, соблазняя их подойти ближе. Через секунду напряженной неуверенности разновозрастная стая ребятишек бросилась к нему, размахивая руками и умоляя о милости. Среди них были дети разного возраста и телосложения, от типичных обитателей Блошиного Дна до незаконнорожденных детей заморских экзотических проституток, чьих матерей он и Тирион наверное скоро встретят. Он давал каждому ребенку по серебряному оленя, но они вдруг бросились в разные стороны, звуки шагов Золотых плащей разогнали их словно ветер - пыль.

- Мой господин, - обратился сержант-золотоплащик, который несколько секунд рассматривал всадника и наконец решил, что это дворянин,

- Эта дрянь беспокоила вас? - спросил он с акцентом, почти аналогичным говору тех ребятишек, которые только что убежали; четверо других золотых плащей лениво разошлись по улице и расталкивали рыбаков и рабочих своими палками, ища сироток.

- Никаких проблем, господин страж, - ответил Джоффри с кивком, пуская коня вперед.

Они почти доехали до Шелковой улицы, когда Тирион отозвался:

- Я и не знал, что ты имеешь склонность к благотворительности, племянник, - сказал он.

- Я не пожелал бы голода и своему наихудшему врагу, - ответил юноша. По крайней мере не смертному врагу, уточнил он мысленно.

- А тем более - детям, - и добавил с отвращением, воспоминания снова напомнили о себе.

- Что же, тех денег им должно хватить на некоторое время, - Тирион неуклюже поддержал его, нахмурившись, так как будто он пытался разгадать эту загадку.

- На слишком малое время, - проворчал Джоффри, когда они проехали мимо заполненного сеном воза на углу улицы. Сейчас они достигли Скорбной Реки, дороги, что протянулась параллельно от городской стены и до Черноводной. Он вздохнул, углубившись в размышления, бессознательно управляя конем одними коленями, и уставился взглядом в кошелек в ладони.

- Мм? - спросил Тирион, имитируя внимание (однако черты его лица вопили о другом) тихим голосом, не смотря на суету жен рыбаков и постоянный стук молотков в невзрачных мастерских.

- Один серебряный олень равноценный двадцати восьми полгроша, или пятидесяти шести пенни. Три пенни за буханку хлеба, этого едва хватит на восемнадцать дней условного выживания... ну и еще сдачи хватит на одно яблоко, кажется, - сказал Джоффри.

- Такие цены на Блошином Дне? - спросил Тирион.

Джоффри утвердительно кивнул и обернулся, глядя на башни, что возвышались на ближайшей стене.

- Ты не раз бродил по городу... - Тирион провозгласил вердикт.

- Так, немножко, - ответил Джоффри пренебрежительно,

- Тебе известно, сколько Роберт планирует потратить на Турнир Десницы? - сказал он, внезапно оборачиваясь к Тириону, даже не давая времени на ответ,

- Сорок тысяч золотых драконов. Это примерно... - юноша запнулся на мгновение и посмотрел в небо,

- ...Восемь миллионов и четыреста тысяч серебряных оленей! - воскликнул он.

Тирион попытался утихомирить парня:

- Племянник, Блошиное Дно опасное место, особенно для дворян... - но Джоффри было не остановить.

- Ты мог бы кормили сытными блюдами тех ребятишек на протяжении всей их жизни, и все равно это не отразилось бы на общей сумме! И это только стоимость приза для победителя рыцарского поединка! - сказал он, постепенно заводясь в течение этой речи.

- Джоффри, я понимаю, но утихомирься, - занервничал Тирион, оглядываясь.

Однако он имел сомнения, что Джоффри вообще услышал его слова, юноша сидел в седле, глядя вперед, а слова будто сами собой потоком вырывались изо рта:

- Не говори мне о усмирения, дядя! Ты не понимаешь, насколько ценным является жизнь, если не видел, как оно замерзает и превращается в никто на твоих глазах! Каждый из тех маленьких огоньков едва-едва теплится на земле, пока мы тут тратим время на интриги... - он внезапно схватил чью-то тощую руку слева от себя, резко дернул на себя и остановил лезвие кинжала в миллиметре от горла какого-то парня. То был один из старших уличных попрошаек, которых они встретили раньше, пожалуй, только на год младше Джоффри; одной рукой он держал плохонький железный нож, а другой ухватился за кошелек Джоффри с золотыми драконами, что был привязан к поясу принца. Джоффри всматривался в глаза вора, не моргая, в течение нескольких секунд, словно решал, перерезать горло малому или нет.

Не угроза, - решил он в этот момент кристально чистого восприятия реальности, когда увидел, как малый выронил нож из руки вниз, и что-то мокрое распространилось по его брюкам.

- Простите меня! Простите, милорд! Прошу вас! Прошу, нет! - закричал воришка, когда одна-единственная капля крови потекла по его шее.

Джоффри глубоко вдохнул, медленно пряча кинжал, пока малыш болтал. Он взял кошелек с золотыми монетами из вялой руки и произнес:

- Это приведет к тому, что тебя там убьют... вот, - добавил он, отдавая ему другого кошелька с остатками серебряных оленей,

- Раздели их с другими, - добавил он, не отводя взгляда от глаз парня. Хотя у шеи воришки уже не было лезвия, но он очень осторожно кивал, снова и снова.

- О-О-обещаю вам, мой господин, - сказал он и склонил голову, не имея сил выдерживать взгляд Джоффри, очевидно испуганный на всю жизнь.

- Хорошо, теперь мотай отсюда, - приказал ему Джоффри и отпустил руку, наблюдая, как маленький бросился в ближайший переулок. Он перевел взгляд на кошелек, полный золотых монет, и скривил губы. Тирион не проронил ни слова, пристально наблюдая за Джоффри.

- И ты чувствуешь себя так, словно ничего с этим всем не можешь поделать... - сказал он после длительной паузы.

- Да... все, что им достанется, - это неглубокая могила... если они вообще потрудится похоронить тело, - ответил юноша, держа кошелек с драконами в руке.

Тирион решил удержаться от совета и их кони дальше пошли путем к Шелковой улице, где экзотические проститутки из Эссоса и Летних островов соблазнительно выглядывали из окон вторых этажей борделей. Чем дальше они продвигались по улице, тем менее привлекательными становились встречные проститутки. Вскоре они доехали до конца улицы, окруженной бедными на вид домами, переполненными простыми ремесленниками или мастерами.

- Я смог найти неплохое местечко подальше от суеты на главной улице, - сказал Тирион с легкой улыбкой, пытаясь улучшить настроение, когда они продвигались через два узких переулка, прежде чем остановились перед удивительно респектабельно выглядящим трехэтажным борделем, спрятанным подальше от посторонних глаз; вход в заведение охраняли два необычно хорошо вооруженных и одетых в соответствующие доспехи пехотинца, что явно показывало статус этого заведения, недоступного для простолюдин.

- Я сначала хотел отвести тебя к Чатайе, но... ну, представь, что к вам посреди всего процесса ворвется король Роберт... - добавил он, тихо смеясь, однако это не вызвало у Джоффри даже намека на улыбку.

- Давай просто побыстрее закончим с этим всем, "Томмен", ладно? - сдержанно проговорил Джоффри, одним плавным движением соскользнув с лошади, и передал поводья мальчику из конюшни.

- Не все умеют двигаться как вода, так непринужденно слезая с коня, "Джофф"! - отозвался Тирион, когда слуга отступил на шаг, и Бес попытался спрыгнуть. Он смог догнать Джоффри уже перед самым входом в заведение, когда юноша заходил внутрь с бездумным выражением на лице. Стражи не сказали им ни слова, когда они прошли под вывеской с изображением месяца и лебедя.

Красивая на вид лиснийка поприветствовала их: она была старше проституток, которых Джоффри заметил у входа. Она держала себя с королевской грацией и словно излучала уверенность высшего сорта, эти две характеристики вкупе с ее возрастом четко указывали, что она была хозяйкой в этом заведении.

- Сейлис, всегда приятно тебя видеть, - поздоровался Тирион, целуя ее руку.

- Сэр Томмен, - ответила она со знающей улыбкой,

- А это видимо ваш брат Джофф? - спросила она, ставя ударение на имени.

- Моя госпожа, - Джоффри изысканно поклонился и тоже поцеловал ее руку.

- Сир Томмен, вы привели самом деле благородного рыцаря, - ответила Сейлис, и они пошли к одной из частных комнат, где кроме них находились только миска с оливками и бутылка арборского красного, а единственным другим выходом были деревянные двери с противоположной стороны комнаты.

- Сейчас посмотрим, что можно подобрать, - сказала она, легко улыбаясь, и закрыла дверь.

- Для меня это честь, сир, - продолжила она, когда обернулась к ним, - но я не госпожа, а лишь заботливая мать для моих маленьких розочек.

Тирион разливал вино из бутылки по кружкам, когда Джоффри неловко пожал плечами:

- Тогда примите мои извинения, матушка Сейлис, но я не являюсь рыцарем, - ответил он твердо, однако воспитанно.

- А вы скромный юноша, - сказала она, снова улыбаясь, в то время Тирион вернулся от стола, неся две кружки.

- Вот, возьми, это поможет, - сказал Бес, понижая голос, и передал кружки племяннику.

Джоффри фыркнул, глядя на вино, Арборское красное закручивалось в спираль от хорошего налива Тириона.

Предыдущий раз это добром не закончилось, - подумал он с неудовольствием. Юноша пожал плечами, прежде чем выпить напиток одним длинным глотком, словно он пил воду после возвращения с особенно долгой разведки в Серой Пустоши. Ну, по крайней мере это не Дорнийское красное, он попытался успокоить себя.

- Или мне стоит привести их, чтобы вы могли выбрать, сэр Томмен? - спросила Сейлис, но Тирион возразил.

- Я уверен, что ты снова удивишь меня, как и в прошлый раз, - сказал он с похотливой улыбкой.

- Пожалуй так и сделаю, - ответила она, немного склонив голову и очевидно наслаждаясь словесной игрой.

- А как насчет вас, юный лорд? Вы любите экзотику, неизведанное? Или что-то более привычное, близкое к дому? - спросила она, оборачиваясь к Джоффри.

- Я поддерживаю решение брата насчет этого, - ответил Джоффри; словно какая-то черно-серая пелена покрывала все, на что падал его взгляд. Он должен быть в восторге и гореть энтузиазмом, как в тот раз с Лиз, но просто не мог заставить себя так это воспринимать.

- А я доверяю вашему опыту, матушка Сейлис, - заговорщически добавил Тирион.

- Что ж, прекрасно, - сказала она, подходя ближе к Джоффри, не отводя глаз от него.

Он инстинктивно попытался вытянуться, когда Сейлис дважды обошла вокруг него

маленькими выверенными шагами. Она остановилась прямо перед ним, так близко, что он чувствовал прохладные потоки от ее дыхания на лице. Она молча смотрела на него, ее длинные ресницы почти не двигались, когда она напряженно рассматривала его лицо.

- Почему ты прошел через это все? Ради славы? Чести? - неожиданно спросила она.

- Что? - ляпнул Джоффри.

- Ради золота? - она продолжила.

- Нет! - снова воскликнул он.

- Ты хочешь, чтобы это все здесь и закончилось? - спросила она, почти замораживая его щеку своим мятным дыханием.

Джоффри покачал головой и сделал шаг назад, прежде чем снова вернуть контроль над собой.

- Мы с этим закончили? - спросил он лаконично, едва сдерживаясь, чтобы не уйти из этого балагана.

- Кажется да, - ответила Сейлис и двинулась обратно к двери,

- Пожалуйста, подождите здесь минутку, охранник отведет вас до ваших покоев, - добавила она и покинула комнату, осторожно закрывая за собой дверь. Джоффри и до сих пор чувствовал смущение, а Тирион еще долго пялился на дверь.

- Что это такое было, чери побери?! И что это с тобой? - спросил принц у Беса.

Дядя склонил голову, обращаясь к племяннику:

- Всегда аж дух захватывает, наблюдать за ее магией... я не имею слов, чтобы это описать, если бы только она пожелала... - сказал он рассеянно, странное напряжение в его голосе удивило Джоффри, ведь он никогда не слышал такого от дяди.

- В любом случае, - добавил он, забирая опустевший бокал Джоффри и снова наполнил обе емкости красным вином,

- Если будешь волноваться, просто запомни, что мы, люди, созданы для этого, - сказал он с нежной улыбкой, пытаясь спровоцировать появление хоть какой-то эмоции в Джоффри.

- Я не волнуюсь, - ответил тот, падая в одно из обитых тканью кресел.

- Я тебе верю... - сказал Тирион, нахмурившись, уже намереваясь еще что-то добавить, но в дверь постучали другие. Он подошел к ним и распахнул их, чтобы увидеть мужчину в причудливо полированном полу-доспехе, с нейтральным выражением на лице.

- Сэр Томмен? Ваша комната ждет вас, - произнес воин с изысканным поклоном.

- Ну что же... - сказал Тирион, разворачиваясь к Джоффри, и посмотрел на него с тревогой,

- Просто расслабься, попробуй насладиться всем... попробуй... выйти за пределы твоего состояния, - добавил он искренне, глядя племяннику прямо в глаза.

Тот неискренне улыбнулся, не оставляя сомнений:

– Я попробую, но помни, что я согласился на час, не дольше, – сказал Джоффри.

Тирион кивнул:

– Хорошо, тогда и увидимся, и не беспокойся на счет меня, если решишь провести здесь чуть больше времени... – закончил он, прежде чем выйти.

Джоффри тихо фыркнул и бездумно съел оливку из серебряной миски на столе. Он так посидел, как казалось, целую вечность, чувствуя себя все более некомфортно с каждой минутой, почти механически молча поедая оливки, не чувствуя их вкуса.

Стук в дверь почти заставил его обнажить меч, так как это его напугало. Он медленно открыл дверь и увидел другого солдата в таком же полированном доспехе, меньшего роста, но с таким же вежливым выражением.

– Господин Джофф? Ваша комната готова и ждет вас, – сказал тот с небольшим галантным поклоном.

– Показывайте дорогу, добрый сир, – ответил Джоффри и пошел за тем человеком, спокойно двигаясь к месту своего приговора. Он поднялся по лестнице на третий этаж в непривычно тихий коридор, украшенный знаменами теплых цветов, на которых не было никакой геральдики.

Охранник внезапно остановился перед какими-то дверями, ловко разворачиваясь к Джоффри, прежде чем заговорить.

– Если вам будет что-то нужно, просто позвоните в маленький колокольчик у кровати, – сказал он, снова вежливо поклонившись.

А это заведение действительно высокого качества – подумал Джоффри, кивнув в ответ вояке, который сразу ушел уверенными шагами. Он взялся за дверную ручку, за мгновение до того, как расправил плечи.

Он открыл дверь и обнаружил комнату, окутанную нежным полумраком, освещенную мягко горящими свечами и наполовину задернутыми шторами. Комната была несколько аскетичной, но обставлена со вкусом и имела какую-то расслабляющую атмосферу: покрытые коврами и одеялами диваны предоставляли своеобразного ощущения безопасности, чем-то напоминая уютное гнездо.

Шевеление между тенями слева от него почти заставило Джоффри взяться за меч. Вместо потустороннего врага он обнаружил девушку, лет на шесть старше Маргери Тирелл, которая осторожно зажигала маленькую свечу возле большой кровати. Ее волосы были длинными, блестяще-коричневыми, в тон к ее глазам. Она посмотрела на него сквозь пламя свечи своими темно-кариими миндалевидными глазами, окруженными длинными ресницами.

– Моя леди, – пробормотал Джоффри, кланяясь, как подобает королю. Она задумчиво улыбнулась и оставила одну из свечей возле кровати, поправляя длинное черное платье, и направилась к нему.

- Господин Джофф, - поздоровалась она с легким реверансом, приближаясь ближе четко выверенными шагами. Джоффри застыл как статуя, когда девушка, нет, женщина, осторожно сняла меч с его пояса, оставляя оружие у дверей, а потом начала снимать плаща хрупкими пальчиками.

- Матушка Сейлис забыла назвать твое имя, - неуклюже начал Джоффри, держа спину прямо, словно имея стальной прут вместо позвоночника, а в животе как будто начали порхать странные бабочки.

- Я - Налия, господин Джофф, - ответила она тихим, но очень чистым голосом, хорошо слышным в малой комнате.

- Приятно познакомиться, - сухо ответил Джоффри, когда его плащ упал на пол.

Пальцы Налии начали растегивать его камзол, молча, медленно, по одной пуговице за раз. Джоффри почувствовал смесь перемешанных волнующих эмоций, что росли соответственно тому, как ее руки опускались все ниже; смесь удовольствия, страха и ужаса, которая превратилась во внезапное видение. Тело рыжеволосой шлюхи привязано к кровати в королевских покоях, многочисленные арбалетные болты пробили ее обнаженное тело в почти художественно выполненном узоре, рот открыт в мертвом, молчаливом крике...

Он внезапно обнаружил, что держит ее за ладони, крепко сжав их, не давая продолжить свое дело.

- Извини, - пробормотал он, запинаясь от стыда, и сразу отпустил ее руки, что уже начали белеть, словно обжегся об них. Она не бросилась бежать от ужаса, а нежно схватила его за руки.

- Все хорошо, - сказала она, держа ладони и глядя прямо в глаза. Джоффри через силу проглотил слюну, потерявшись в океане старых травм и ужасов, стыда и долга.

- Не желаешь ли присесть? - спросила она. Джоффри быстро кивнул, чувствуя облегчение, позволяя ее теплой руке повести себя до маленького столика рядом с маленьким окном. Они оба сели в удобные, обитые тканью деревянные кресла, размещены ближе друг к другу, чем обычно в других комнатах. Джоффри отпустил ее руку и хлебнул сладкого вина из заранее подготовленного бокала, ощущение бронзового сосуда в руке почему-то давало облегчение.

- Пожалуй ты прибыл из дальних краев, - сказала Налия, беря и себе бокал.

- Почему ты так решила? - спросил Джоффри, радуясь, что не нужно искать темы для разговора.

- Твои глаза, они выглядят опытными, бывалыми, - ответила она, пробуя вино.

- ...Ну, я и вправду немножко путешествовал... посещал далекие края... - невпопад проговорил Джоффри, не зная, что говорить дальше в этой неудобной ситуации. Он чувствовал, что должен бы сейчас раздевать ее и потеряться в страстных поцелуях на той большой постели, но то, что он этого не делал, почему-то наполняло его странным спокойствием.

Если Налия и не поверила его словам, то не показала этого. Зато она как будто заинтересовалась, слегка склонив голову набок, и наклонилась вперед:

- Расскажи мне о них, - искренне произнесла она.

- Рассказать тебе о них..? Я имею в виду... я не знаю... с чего начать, - ответил он, запинаясь, смущаясь от такого поворота разговора... Это все идет явно не так, как он предполагал. Налие, кажется, не волновал такой ответ, ее улыбка выглядела дразнящей, а не высокомерной или нетерпеливой.

- Сразу видно, что хвастовство, ведь это не переросло в сумасшедшую историю о невероятных приключениях... - пробормотала она, обращаясь скорее к самой себе, чем к нему, слегка улыбаясь Джоффри.

- Я не хвастаюсь, - запротестовал он, снова отхлебывая вино из кружки.

- Я знаю, - согласилась она, - вот почему я на самом деле хочу услышать ту историю, - добавила проститутка, озорно мигнув к нему своими длинными ресницами,

- Начни с изумительного пейзажа, это самый быстрый путь к девичьему сердцу, - сказала она с веселостью, наслаждаясь иронией своих слов.

Джоффри фыркнул, откидываясь спиной на кресло, и сам против воли улыбнулся:

- Удивительный пейзаж как путь к завоеванию девичьего сердца... - проговорил он вслух, внезапно ощущая бремя своей долгой жизни. Это так впервые, но тот груз показался почти удобным, как давление на плечи от хорошо наполненного вещмешка.

- Порт Иббен, - неожиданно проговорил он вслух.

- Холодные северные берега вместо бескрайних полей Простора? Не очень похоже на начало романтической баллады, - сказала Налия, улыбаясь почти как Бес.

- Можно и так сказать, - согласился Джоффри, чье зрение несколько затуманилось,

- Но и там была красота, значительно глубже и величественнее Простора, одиночество, что заставляет искать суть внутри, как в горах или в открытом море... - продолжил он. Глаза Джоффри потерялись в воспоминаниях, когда он прислонил голову к стене справа:

- Иббенийцы на самом деле имеют скрытое чувство искусства, нечто что, кое-кто счел бы неслыханным. Волосатые фигуры и их грубое поведение придает им репутации неотесанных мужланов, искусных в тяжелом физическом труде, но полностью лишенных воображения... - теперь он почти шептал,

- Но тот, кто смотрит глубже... - он запнулся, словно дразня, и посмотрел на Налию. Она выглядела искренне заинтригованной, не отводя взгляда карих глаз от него.

- Их чувство эстетики в самой основе отличается от нашего. На Иббене есть лишь несколько типов драгоценных красителей, что делает рисование очень дорогим. Распространена резьба по китовой кости, но кость, пригодная для резьбы узоров или малых статуй - и это кость, пригодна и для других видов работ, поэтому простой люд не часто обращается к этому искусству, разве что изготовление товара на продажу, - сказал он.

- Что же тогда остается? - спросила Налия.

- Движения, - ответил Джоффри, наслаждаясь этим поддразниванием. Он даже не заметил исчезновения привычной мантии из тревог, которая обычно охватывала его.

- Движения..? - смущенно переспросила Налия.

- Движения, - повторил Джоффри,

- Иббенийцы веками охотились в водах Дрожащего моря и накопили огромные запасы китового жира, значительно большие, чем они в состоянии продать... Их города освещаются многочисленными жировыми лампами, которые свисают с каждой балки или выступа крыши, каждый собственник дома вывешивает по крайней мере одну такую лампу, каждая размещена немного по другому, чем остальные, как следствие собственных предпочтений каждого домовладельца, - проговорил он, созерцая видения из далекого прошлого; пелена воспоминаний медленно поднималась, когда он всматривался в них мысленным взором.

Комнату поглотила тишина, единственным слышимым звуком было расслабленное дыхание Джоффри:

- И когда солнце прячется за горизонт и начинается долгий иббенийский сумрак... и тогда лампы зажигают - сказал Джоффри, улыбаясь,

- Сотни маленьких сгустков света, извивающиеся от каждого порыва холодного северного ветра, каждое пламя по своему, каждую улицу окутывает подвижной узор света и теней, каждый вечер превращается в спектакль из мигающих огоньков, - закончил он, его голос ощутимо потеплел.

- Это... так прекрасно, - произнесла Налия, увлеченная рассказом.

- Так и есть, и каждая ночь отличается от предыдущей, каждый порыв ветра не такой, как предыдущий, каждая лампа расшатывается не так, как еще минуту назад... - сказал Джоффри, чьи губы медленно растянулись, формируя счастливую улыбку, когда поток воспоминаний высвободил самое грандиозное зрелище из всех.

- И первой...и самой величайшей из них всех была Ламповая дорожка, - прошептал он, глядя прямо в карие глаза, его зрение снова прояснилось,

- Широкая и длинная мощеная улица, что извивалась вверх по склону от городского порта вплоть до древнего, уничтоженного временем дворца Бога-Короля. Магазины и дома по обе стороны полностью увешаны маленькими частными лампами, от вида которых уже разбегались глаза, и их нежные огоньки были лишь искорками в сравнении с огромными лампадами, принадлежащими государству; высоченные фонари, сделанные из кованого железа и резных костей, которые не дрожали даже перед самыми мощными штормами, каждую из них делали за счет членов правящего Теневого Совета...

На мгновение казалась бесконечностью, наступила тишина, усиленная легким мерцанием свечей. Налия прервала молчание, касаясь своей рукой руки Джоффри:

- Поистине удивительное зрелище... вероятно ты на самом деле человек, который вышел прямо из девичьей баллады, или самый талантливый лжец из всех поэтов, которых я когда-либо видела, - сказала она, тихо смеясь.

Джоффри засмеялся вместе с ней:

- Эй, карьера лживого поэта звучит как неплохая перспектива, - ответил он с горьковатой улыбкой.

- Ты видел немало подобных зрелищ, не так ли? - спросила его Налия.

Улыбка Джоффри увяла, и он перевел взгляд вниз:

- Так... и величественных и ужасных, с невероятной жестокостью и безумием... слишком много, чтобы все рассказать, - сказал он, качая головой; черная дыра внутри внезапно вернулось, его вес чувствовался еще тяжелее после этого короткого момента облегчение бремени.

- Мы имеем время, - ответила она, держа его за руки,

- Пребывание в постели не является единственным способом для успокоения человеческого ума, тебе это известно? - сказала она с понимающей улыбкой,

- Иногда простой разговор может изменить все, - добавила она, как будто читала его душу как книгу.

- Я... Я не могу, - начал Джоффри смущенно, чувствуя себя беспомощным.

- Может, ты опишешь еще какое-то удивительное зрелище? - предложила она, медленно массируя пальцами руку Джоффри, чем немного помогла ему прийти в себя.

- Очередное удивительное зрелище... - прошептал он, углубившись в размышления и, кажется, почувствовав какую-то надежду.

Уже была ночь, когда они добрались до Красного Замка; слишком самодовольный на вид Тирион молча ехал возле Джоффри. Бес открыл рот, но Джоффри остановил его, прежде чем тот заговорил.

- Нет! - сказал он.

Тирион просто хихикнул и покачал головой.

- Мы просто говорили... - добавил Джоффри.

- Вот оно что... имею предположение, что у тебя нет планов вернуться туда после того, как обещанный тобой час промелькнул..? Да, племянник? - спросил Тирион с хитрой улыбкой.

- Возможно, дядя... возможно и вернусь, - ответил юноша мечтательно.

Томмен громко хохотал, пытаясь сбить Брана землю палкой, он намеревался поквитаться за позорные поражения перед старковым сыном в Винтерфелле. Однако было очевидно, что Бран был значительно лучше тренирован...

- Ааай! – заныл малыш, когда Бран ударил его по плечу, заставляя уронить на землю ветвь. На удивление, боль была очень отличной от тех случаев, когда Джоффри бил его по голням или хлопал по макушке, желая чтобы малый умолк. Эта новая боль была какой-то даже... веселой, она быстро и безболезненно растворилась в дальних закоулках сознания, когда мальчик поднял палку с пола, из красного кирпича, ведь эта тренировочная площадка ничем не отличалась от остальных в Красном Замке.

- Давай, Томмен! – закричал Бран, размахивая своей палкой из стороны в сторону, без сомнения, воображая себя в будущем статусе рыцаря. Это уже четвертый раз, как они сошлись в бою после прибытия в столицу, и Томмен наслаждался каждой секундой этого, словно нашел настоящего брата... Он лишь мечтал, чтобы это было навсегда.

- На этот раз я тебя одолею! Мой дядя - лучший мечник Вестероса! – провозгласил принц, бросаясь в бой. Бран отбил два удара, прежде чем ударить его по голове, заставляя того упасть на задницу.

Он покачал головой, глядя на слегка встревоженное лицо Брана, как тот что-то увидел. Внезапно чья-то рука подняла его на ноги, и его мгновенно парализовало от понимания, что эта рука была Джоффри.

Старший брат выглядел слегка взволнованным и несколько довольным лицом, прекрасно пряча за ним свою привычную жестокость, он даже сделал вид, что стряхивает пыль с его плеча.

- С тобой все хорошо, Томмен? Не звенит в ушах? – спросил тот, внимательно осматривая окаменевшую фигуру перед собой.

- ...Д-да в-все хорошо, – ответил он.

Джоффри как-то странно посмотрел на него, прежде чем отойти на шаг, выглядя... печально? Он нервно скрестил пальцы и продолжил:

- ...Хорошо, будь осторожен с... – добавил он, прерывая фразу, когда взглянул куда-то за спину брату. Томмен обернулся, только чтобы увидеть Пса, который стоял с нейтральным выражением лица, держа пару тренировочных мечей.

- Вы также решили потренироваться здесь? Чтобы королева не нашла вас? – спросил Бран; он, видимо, забыл все предупреждение Томмена относительно старшего брата.

Джоффри засмеялся и кивнул:

- Именно так, юный Бран, кажется вы не одни додумались до этого, – сказал он, переводя взгляд обратно к Томмену,

- Я не уверен, что лорд Старк одобрит вашу тренировку без присмотра... – молвил он.

О нет, шантаж? Нам надо было бежать в тот же миг, когда я увидел его, - подумал Томмен, вздрагивая от того, что сейчас произойдет, когда лицо Брана приобрело встревоженный вид.

Джоффри фыркнул:

- Не переживайте, я не расскажу о вас... – сказал он, а потом разбил остатки надежды младшего брата,

- Мы присмотрим за вами, да, Сандор? – спросил он, оглядываясь на Пса.

- Ладно, но если они выкалят друг другу глаза, то это мою голову королева вывесит над воротами... – проворчал Пес, кладя тренировочные мечи на пол.

- Не будь таким пессимистом, все будет хорошо! – возразил Джоффри, поднимая палку с земли. Он посмотрел на Томмена на мгновение, а потом словно принял какое-то решение. Юноша подошел к брату и стал сзади, и хоть Томмен и был напуган как бешеный кролик, он не сбежал, когда Джоффри вложил "оружие" брату в руку и поправил своими руками хватку и осанку для стойки.

- Попробуй предугадать его движения, вот так, – продемонстрировал он, ведя руку брата своей,

- Не раскрывайся, пока он не сделает свой шаг, иначе получишь удар... давай, Бран! – сказал он.

Бран подчинился, прекрасно проведя время, когда он снова попытался ударить Томмена. Однако на этот раз Джоффри вел его менее напряженное тело, меняя позицию и медленно отбивая атаки. Томмен с удивлением осознал, что на самом деле чему-то учится. Он и не знал, что его брат искусен в битве на мечах...

Пес начал выкрикивать советы Брану, и прежде чем он осознал все это, оба парня уже были мокрые от пота и утомленные пили воду из бурдюков, как сумасшедшие. Джоффри выглядел довольно, рассматривая обоих парней, прежде чем словно вспомнил что-то, что заставило его скривить губы в печальном и озабоченном выражении, которые он не раз демонстрировал после того странного эпизода в Винтерфелле.

Пес схватил Джоффри за плечо и встряхнул, выводя того из ступора.

- Нет, нет. Я только на минутку задумался... – ответил его брат, бросая взгляд на север, прежде чем подойти к Томмену.

- Продолжай тренировки, – сказал он, присев возле Томмена, и посмотрел прямо в глаза.

- ...Х-хорошо, – испуганно ответил мальчик.

- Прекрасно, – ответил Джоффри и поднялся.

Ощущение срочности в голосе брата преследовало малого в течение той ночи.

Джоффри осторожно наклонил полотно, позволяя солнечным лучам полностью осветить картину. Там был изображен солдат, что держал оружие в каждой руке, а может щит в одной, а оружие - в другой, защищаясь от какой-то невидимой угрозы.

Он вздохнул, кладя полотно на землю; мягкий грунт Богороши едва царапал рисунок. Он лежал рядом с другой картиной, изображавшей дерево в оттенках серого и зеленого, окруженное четырьмя точками.

Джоффри пока не нарисовал молот, но он сомневался, что его тщетные зарисовки приведут его ближе к истинному пониманию странных рун. Те три руны были единственными, которые он смог реконструировать из руин под Костяным Городом, вероятно вырезанных во времена задолго до появления человечества, еще тогда, когда Сухая Бездна была большим морем...

Они словно смеялись над ним, скрывая какое-то незаконченное послание, к которому он не мог подобрать код. Исследования Джоффри ни к чему не привели, даже с учетом того, что руны вероятно были более менее связаны с й-тийской культурой, учитывая их местонахождение.

Библиотека Красного Замка и даже Цитадель были бедные на восточные премудрости, и те навязчивые рисунки были последней попыткой обнаружить связь между этим всем, какуб-либо связь между символами или хотя связь между ними и историей востока.

Легкое движение среди листвы заставил его бросить взгляд по правую руку, где он сразу заметил Леди, которая заинтересованно шла к нему.

Это означало...

Он быстро покрутил головой из стороны в сторону, уловив отдаленный проблеск рыжих волос Сансы, она быстро шагала прочь от этой поляны, испуганно.

Кажется в этой жизни не будет никаких внезапных догадок от нее, - подумал Джоффри, эта печальная перспектива была усилена его желанием держать ее как можно дальше от безумия, в которое он собирался погрузиться полностью. Этот груз был только ему по силе...

Лучше уж так, лучше для нее... - подумал он, пока Леди побежала за своей хозяйкой, посмотрел вниз на рисунки и почувствовал, что пропустил что-то фундаментально важное. Что ж, ни одна гениальная догадка так и не появилась в его голове, когда он снова склонился над рисунками, пытаясь найти определенную схему между символами.

Принц швырнул кости в миску, наблюдая, как они еще с секунду летели, прежде чем застыли неподвижно, показывая четверку и тройку присутствующим Красным Плащам. Стоны и победные возгласы сразу затопили все вокруг, пока медные монеты переходили из одних рук в другие, и принц сонно взял в руки миску с несколькими медяками.

- Извини, должны были выпасть две шестерки, - сказал он с виноватым видом; миску сразу забрал другой Красный Плащ, и игра началась снова.

Орланд на самом деле не знал, как так получилось, что он и небольшая кучка солдат начала играть в кости и распивать несвежий эль с наследником трона Семи Королевств, и возможность узнать причину ежедневно уменьшалась.

Однажды вечером они хохотали и ругались, переменчивое везение придавало толики непредсказуемости после долгой изнурительной стражи, когда в башню зашел молодой человек в дорогой одежде благородного. Его глаза выглядели несколько скрыто под плащом с капюшоном, который был на нем, и он пошел к их столу словно моль - к открытому огню, не оглядываясь. Часовой сомневался, что принц сам знает, что он делает, но тот просто сел возле них со счастливой и немного грустной улыбкой, наблюдая за их игрой.

Обычно вторжения вооруженного незнакомца в одну из башен Красного Замка привело бы к сигналу тревоги, если бы Баррет не поручился за него, утверждая, что это один из слуг лорда Тириона. Так они решили принять неожиданного незнакомца к своему кругу, к тому же глаза отдельных воинов выражали намерение обобрать до нитки этого дворянина, видимо незнакомомого с азартными играми.

Им это удалось, до определенного момента, хотя Орланд подозревал, что принц немного жульничал со своими бросками... то, как он держал кости в руках, указывало на немалый опыт, слишком большой опыт, чтобы проигрывать раз за разом. А после он отыгрался в конце, смеясь и жестикулируя с воинами, словно был одним из них, очевидно наслаждаясь каждым мгновением игры.

Правду они узнали значительно позже, почти через две недели (и после немалого количества ночных партий в башне) после прихода незнакомца. Хевард вступил в игру после затяжного отсутствия, едва имея силы подняться по лестнице к башне из казармы после удара одного из королевских коней, от которого тот упал на землю и был едва в сознании.

Он был таким счастливым, что уже может заняться чем-то, кроме созерцания потолка в больнице, что узнал истинное лицо принца лишь посередине игры.

Орланд до сих пор помнил то выражение ужаса... оглядываясь назад это все выглядело довольно веселым, хотя как они могли быть такими слепыми в то время, он не знал. Хевард некоторое время в замешательстве наблюдал за человеком в плаще, неподвижно держа миску с костями в руках. Внезапно его лицо побелело, воин вскочил на ноги и почти сразу упал на колени.

- М-М-мой принц! - вырвалось у него, а миска выпала из ладоней и кости упали на пол прямо Орланду под ноги.

Все присутствующие на мгновение замолчали, прежде чем то небольшое пространство посреди башни не разразилось хохотом, особенно выделился Баррет, держась за живот:

- Принц?! Кажется тот конь что-то повредил тебе в голове, Хевард! - прорычал он. Хевард всегда был немного чокнутым, но это... это было уже слишком!

Все вокруг хохотали, кроме стража и принца.

- ...Это правда, - произнес он голосом человека, признающего поражение.

Смех затих, Хевард и дальше стоял на коленях, глаза принца выглядели печальными от такой перемены событий. Однако последним гвоздем в гроб стала реакция Баррета, крепкого Красного Плаща, что выглядел смущенным, произнося:

- Но ты же слуга Лорда Тириона... - он прервал предложение, и Орланд почти услышал щелчки внутри головы. Они все практически одновременно упали на колени, быстро гороря "мой принц" почти в унисон пятеро внезапно пересохших глоток, бросая панические взгляды друг на друга, и все одновременно подумали об одном и тоже.

Мы жульничали в кости с сыном короля?!

Это вывело принца из меланхолического состояния и вызвало гнев, он поднялся и силой поднял Орланда на ноги.

- Достаточно, Орланд! - воскликнул он,

- Баррет, Хевард, Эдмунд, все вы, встаньте, - приказал юноша раздраженно.

Остальные Красные плащи неуверенно поднялись на ноги, когда принц посмотрел вниз на миску, и обратно на стражей.

- А-ах, просто садитесь, - отдал он приказ, качая головой, выполнил свою же команду и сел на тот же стул, где сидел минуту назад.

Красные Плащи бросали друг на друга неуверенные взгляды и сели, когда Джоффри посмотрел на Орланда с уверенностью в глазах, видимо, уже решив, как именно наказать их за неприемлемое отношение к принцу с их стороны.

- Что выпало на костях? - спросил он.

Орланд посмотрел под ноги, потом обратно на принца.

- Две единицы, - глуповато сказал он.

- Везучий ублюдок, - ответил юноша и швырнул Хеварду мешочек с медными монетами. Солдат был таким испуганным, что мешочек отразился от его головы и упал на пол... тот даже не попытался поймать его.

Тишина затянулась еще на секунду, вдруг Джоффри нагнулся к Орланда:

- ... Сколько раз его ударила та лошадь? - он прошептал на ухо, достаточно громко, чтобы все присутствующие могли услышать. Видимо, это было задумано как невинная шутка для снятия напряжения, но после многих дней повторения того же шутки, и по тому, как бесчувственного Хеварда занесли в его постель, это стало своего рода пословицей среди Красных плащей северо-восточной башни.

Если кто-то промахивался с броском костей, то ему всегда говорили что-то вроде "Тебя лошадь слишком сильно ударила?", а если забывал почистить нагрудник, то его спрашивали "Видимо то лошадиное дерьмо у тебя на броне?".

Услышать такое от принца Семи Королевств - это уже было многовато для самоконтроля воина. Их хохот оказался именно тем, что принц пытался добиться; он поднял миску и кости и

передал их следующему игроку.

Так вот с того времени все... пошло своим чередом. Принц настаивал, чтобы они обращались к нему просто "Джоффри", и чтобы не падали на колени. Со временем это становилось проще, чем в начале... В конце они почти привыкли к этому всему.

Принц оказался интересным человеком, почти загадочным, он очень отличался от общего представления о королевских потомках, от историй про Рейгара или короля Роберта, и даже от слухов об этом принце, которые ходили замке.

Юноша был словно одержимый безграничной меланхолией, которая часто заставляла его задумываться в самые неожиданные моменты, как будто в его голове происходили великие откровения. Он часто расспрашивал стражей об их семьях, о жизни в общем и о том, что они думают на счет всяких странных вещей. Кажется, он получал удовольствие от таких простых разговоров, но имел привычку сохранять серьезное выражение лица, выслушивая то все... почти всегда.

- Эй, Орланд, я тут задумался... что это за кусок древесины свисает у тебя с шеи? - неожиданно спросил принц, пока Баррет забирал выигранные монеты.

- Это талисман на счастье, мой принц, - ответил страж, касаясь небольшого куска слегка обгоревшего дерева, вращая его в руке.

- Называй меня Джоффри, - сказал принц расслабленно, прежде чем склонить голову,

- Талисман на счастье? Должен признаться, что никогда такого не видел... обычно это кость или какой-то минерал, имеющий определенную связь с предрассудками, гм... хотя дотракийцы могли бы поспорить... - размышлял он вслух, уже привычно вспоминая об иностранных культурах и проводя неожиданные сравнения, хотя Орланд имел подозрение, что это наверное свойственно всем лицам королевской крови.

- Мой отец получил его во время Погрома (когда Тайвин предал Безумного короля), мой принц, - произнес Орланд, снимая оберега, и передал его принцу. Кажется Джоффри был приятно удивлен таким жестом доверия, хоть и пытался изо всех сил скрыть это, когда взял тот кусок древесины так, будто это была корона.

- Погром, да? - пробормотал он, переворачивая оберег, разглядывая потрескавшийся, потемневший от возраста кусок обгоревшей древесины.

- Рассказывали, что целый квартал выгорел полностью прямо посередине Крюка, пламя было таким высоким, что его было видно из гавани... - сказал Орланд, вспоминая фразы из памяти, откинувшись спиной на стул.

- Это чушь, Орланд! - отозвался Гарт, бородатый Красный Плащ, который сидел в углу башни, полируя свою кирасу и имел довольно сварливый характер.

- Для этого пламя должно быть выше городской стены! - воскликнул он.

- Батюшка не был лжецом, он не умел врать... кроме случаев, когда шел до проституток, - признал Орланд, почесывая подбородок,

- Хотя мама и так всегда это знала, поэтому потом он ходил с синяками в течение недели, но когда он рассказывал о Погроме, то не имел синяков, - добавил он с таким искренним проявлением своей безупречной логики, что Гарт аж фыркнул от разочарования и вернулся к своему занятию.

- Дерьмо! - пробормотал Баррет с выражением отвращения, передавая миску дальше, принц рассеянно принял из руки несколько медяков.

- Так... как это все связано с этим талисманом? - спросил он, подняв бровь.

- А-а, ну, понимаешь, весь квартал выгорел менее чем за час... кроме одного маленького домика прямо посреди пожара, его почти не коснулось то огненное пекло, что сожгло все вокруг дотла, - сказал Орланд зловещим тоном.

- Владельцу того дома очень повезло, - пробормотал принц, и дальше разглядывая талисман.

- Ну, дому - да, но не владельцу. Бедный дурак получил топором по голове, потому что поднял крик. Ему почему-то не понравилось, как добрых четыре десятка солдат рубят его дом на талисманы, - добавил Орланд, смеясь.

- Ох... - пробормотал принц, нахмурившись, и еще раз посмотрел на оберег суровым взглядом.

- Твой отец когда-нибудь рассказывал тебе еще что-то про Погром? - спросил он через мгновение.

Орланд кивнул, забирая миску, и схватил кости в ней:

- Только когда напивался как моряк. Иногда он хохотал, вспоминая, рассказывая с десятков разнообразных историй, которые выливались из его рта словно вода из дырявого ведра... а иногда он был довольно молчаливым, лишь бормотал о пламени и вони от людей, которые наложили в штаны. Такое себе зрелище, - сказал Орланд, качая головой,

- И до сих пор в городе есть районы, где ланнистеровские люди должны смотреть за спину, чтобы не получить нож под ребра, - добавил он, встряхивая кости,

- То было кровавое месиво, и люди имеют долгую память, если это им выгодно... - закончил он, глядя на Баррета с довольной улыбкой.

Баррет держал монету, бормоча, принц молча кивал на его слова.

- Этот город... его окрестности... все они, они немало всякого дерьма пережили, разве нет? - спросил он скорее самого себя, чем других.

- Такова жизнь, и никто не может ничего поделать с этим, - сказал Орланд, повторяя старую мудрость, услышанную от отца, и передал чашу принцу.

- Разве не может? - пробормотал принц, игнорируя миску, его взгляд зафиксировался в одной точке, когда он медленно вращал тот оберег, медленно потирая пальцем потемневшую древесину.

- Что ты скажешь, если, предположим, не учитывая конкретную причину, Станнис станет королем Семи Королевств? – спросил его тот странный племянник в один день.

- ...Это какая-то ловушка? – Тирион ответил вопросом на вопрос, намереваясь выиграть время.

- Нет. Как ты считаешь, его правление будет мирным? Подданные будут процветать? Или он удовлетворит остальных лордов? – настаивал Джоффри.

Они безальтернативно играли в кайвассу; то была самая напряженная партия на памяти Тириона, однако Джоффри словно и не обращал внимания на неё, он отстраненно двигал рукой свои фигуры, так словно рука жила своей собственной жизнью.

- Что же... – сказал Тирион, – Если на мгновение предположить такое, то он будет сильным королем, лорды будут уважать его, он имеет сильное чувство справедливости... – Бес рассуждал вслух.

- Неужели? – пробормотал Джоффри, почему-то его голос был полон какой-то надежды.

- Может слишком сильное... Станнис покалечил мужчину, который привез им припасы во время осады Штормового Предела, хоть и посвятил его в рыцари через мгновение, – добавил он, используя лишнее время для безнадежных раздумий над тем, как вывести окруженного вражескими фигурами слона. Джоффри почесал правую руку и откинулся в кресло, пока прохладный полуденный бриз приятно дул через небольшие ставни кабинета.

- Это звучит неплохо... учитывая... – он прервал фразу.

- Учитывая..? – спросил Тирион, эта странная беседа отвлекала его от самой игры.

- Пустое. Ты сказал, что его будут уважать лорды, да? – спросил племянник.

Тирион помолчал с минуту, пока Джоффри снимал с доски битого рыцаря.

- ...Вероятно. Он опытный командир-ветеран и человек, что разбил Железный флот, однако он слишком твердолобый, чтобы быть королем. Станнис как железо, так часто говорят. Не гнется, ему не хватает гибкости... он не потянет ведения интриг, как я это вижу... – размышлял Тирион, прежде чем фыркнуть,

- Я разговаривал с ним, и он едва справляется с жалкими интригами между домами Узкого моря, не говоря уже о все Семи Королевств. Кажется ему не хватает терпения для этого... – сказал он, наконец найдя путь для освобождения фигуры слона.

Джоффри выглядел слегка безумно, когда наклонился вперед:

- Но с хорошим советником, который разбирается в разнообразных интригах, он достаточно хорошо справится, да? – спросил он, будто пытался убедить самого себя.

- Конечно, конечно, особенно после мирного перехода власти, – успокоил его Тирион,

- Я считаю, что это было бы правление, по крайней мере не хуже правления Роберта... но

откуда вообще такой резкий интерес к Станнису? Вы же почти не общались перед тем, как он вернулся на Драконий Камень, – заинтересованно спросил он племянника.

– Я просто... я пытался лучше узнать своих дядей-Баратеонов... – ответил тот, двигая осадную башню и почти блокируя отступление слона Тириона.

– Так вот почему ты так много расспрашивал о Ренли за последние пару дней? – спросил Бес.

– Ага... – сказал Джоффри, откидываясь в кресле, очевидно недовольный тем, что услышал,

– Правления не хуже правления Роберта... Нам нужно лучше, значительно, значительно лучше... и даже тогда... – бормотал Джоффри, уставившись в окно

– Ты и сам справишься, Джоффри, не переживай на счет этого, – это прозвучало как пустой комплимент, но Тирион и сам удивился, сознавая, что на самом деле так считает. Его племянник прошел долгий, удивительный путь от того странного инцидента, который чуть не убил его.

Явно было лишним говорить это вслух. Джоффри неожиданно вскочил на ноги, пробормотал неискреннее извинение и ушел из комнаты... Тирион спросил сам себя, уже видимо в тринадцатый раз за тот месяц, что же это за чертовщина творится в голове его племянника.

– Подумать только, что твой дядя силой заставил тебя прийти сюда в первый раз... – Налия снова дразнила его, Джоффри фыркнул, наливая себе очередную порцию сидра, и тихо наслаждался ее близостью. Они оба сидели на богато обшитом тканью диване, голова Налии лежала на его плече.

Эта комната внутри Лебеда-и-Луны стала для него почти вторым домом после недель постоянных посещений, и Джоффри чувствовал себя кем-то вроде дикого кота, которого постепенно приручают с течением времени. Расстояние, на котором он позволял Налии сидеть у себя, постепенно уменьшалась этими месяцами, и он не имел сил остановить это... это одновременно тревожило и вызывало нехорошее волнение. Он внезапно повернул голову набок, с тревогой в глазах:

– Ты это слышала? – спросил он ее.

Налия выглядела смущенной и огляделась, прежде чем снова опуститься на плечо Джоффри.

– ...Ты уверен, что видение... исчезли? – спросила она.

– Давненько уже не видел ни одного... – ответил Джоффри, пытаясь расслабиться и проклиная свой ум, что играл в игры с ним.

– Но тебе и до сих пор это снится, – сказала она; это было скорее утверждение, чем вопрос.

– Каждую ночь... – прошептал Джоффри, приближаясь немного ближе к ее теплему телу; изящное платье почти не приглушала это тепло.

– Расскажи мне еще какой-нибудь сон, на этот раз приятный... – спросила она его.

– Гмм, подожди минутку... – Джоффри размышлял вслух. Он открылся перед Налией как никогда ранее в его жизни, рассказывал ей истории, невероятные и фантастические... а также

ужасные. Она считала, что ночные ужасы и его настоящие воспоминания из прошлых жизней - это то же, что водоворот видений и предостережений, которые были для Джоффри такими же реальными, как и жизнь вокруг.

Он и не пытался исправить эту оценку, хотя учитывая цель общения, разница была неважной. Поэтому он рассказал ей о своем посещении Староместа в компании друзей, Битых Рыцарей. Как извивались и поворачивали улицы под командованием архитекторов, гораздо более древних, чем в Королевской Гавани, и как город освещался огненным представлением Хайтауэра по ночам... и о времени, проведенном вместе с друзьями.

- Они всячески подмигивали Джону и показывали свой интерес, даже переманили к себе его волка, ради Семерых, конечно же он покраснел как помидор! - громко хохотал Джоффри.

- И тогда они наконец приручили другого волка? - спросила Наля.

- Ну конечно же! Благодаря небольшому подталкиванию с моей стороны, да и Тирион помог, но мы это устроили, - триумфально закончил рассказ Джоффри.

- А льва они то же приручили? - спросила она поддразнивая.

Толика легкомыслия исчезла из голоса Джоффри, и он скривился:

- Нет, в том не было нужды, - молвил он.

- Наверное они все же пытались, никто бы не отпустил такой прекрасный улов просто так... - прошептала Наля, нежно целуя его в шею.

- На это не было времени... - ответил Джоффри, немного отстраняясь от нее.

- Думаю было... - сказала она, повторяя его движение, и снова поцеловала его. Джоффри покраснел, сердце дико застучало, его руки остановили ее, и он отвернулся.

- Она не была той единственной, - сказал он, хотя эта отговорка казалась ничтожной даже ему.

- Джоффри... что за "единственная"? Ты говорил, что едва знаком со своей невестой и видел ее лишь несколько раз за последние месяцы, и ты явно не относишься к типу мужчин, которые следуют рыцарскому кодексу... - ее тихие слова резали его словно коса траву, что-то давно забытое зашевелился в животе. Ее руки охватили его лицо, и она нежно повернула его голову, шоколадно-карие глаза снова встретились с зелеными.

- Я считаю, что настоящая причина, почему ты не пошел с теми барышнями-пиратками, та же из-за которой ты убегаешь каждый раз, как я целую тебя...

- Прекрати, Наля, - прошептал Джоффри, не имея сил отвести взгляд.

- Чего ты так боишься, Джоффри? Что так сильно ужасает тебя? - она продолжила натиск, глаза гипнотизировали.

- Я... - зашептал Джоффри непривычным голосом,

- Есть что-то сломанное... внутри меня, Наля... Что-то не правильное... глубоко внутри меня, - сказал он эти последние слова со знающей, горькой улыбкой,

- Что-то, что не исцелится и за тысячу прожитых жизней, – он продолжил голосом, что почти ломался, и схватил ее лицо ладонями,

- Я не могу это контролировать, я обижу тебя... и это принесет мне удовольствие... – он стремительно зашептал в отчаянии, желая, чтобы она поняла.

- Ты уже не тот человек, Джоффа, – сказала она, прижимаясь лбом к его лбу,

- Я мало понимаю то, что с тобой случилось, но это я знаю наверняка... ты уже избавился от той тени, – сказала она, ее рот был на расстоянии вдоха от его.

- Ты же не знаешь... – начал Джоффри, но она преодолела то расстояние и поцеловала его в губы.

Это было и долго, и коротко, вихрь покалывания в животе пробежал вверх и вниз по груди и повсюду, когда он наслаждался вкусом оливок и сладкого вина, благословенная привязанность к Налие был словно нектар, более прекрасный, чем все он когда-либо пробовал.

Она улыбнулась, когда прервала поцелуй, поглаживая его белые пряди рукой.

- Вот это Джоффри, которого я знаю, нежный и желанный, – просто сказала она.

Джоффри и не знал, что происходит. В одно мгновение он таращился на нее с искренним непониманием, в другую - почти беспомощно целовал ее, когда они покатались по большой кровати; одежда разлеталась по комнате, и почти невесомое чувство наполнило Джоффри, страхи и заботы смыло прочь под неукротимыми, обжигающими поцелуями Налии.

Он медленно просыпался, ленивые лучи послеполуденного солнца пробивались сквозь черный шелк занавесок. Наля спала возле него на расстоянии нескольких сантиметров, ее спокойное лицо наполовину закрывали пряди темных волос.

Джоффри немного так лежал, просто наблюдая за ней, без единой мысли в голове следуя взглядом за изгибами тела, чувствуя странную легкость. Его охватила странная уверенность, когда он тихо встал с кровати и надел свою кожаную одежду. Он нежно поцеловал ее в лоб, прежде чем выйти из комнаты; ноги словно зажили собственной жизнью и понесли его через здание, стражи снаружи поприветствовали его легкими кивками.

Он шагал по темнеющим улицам Королевской Гавани, бездумно идя по Грязному Пути, мимо многочисленных заведений и лавок, мимо медленно движущиеся повозок и тачек торговцев, мимо усталых, но довольных удачным днем лавочников и рабочих. Он заметил стайку детей, что промелькнули мимо него, с диким азартом гоняя какого-то пса.

Принц увидел десяток служанок возле входа в частный особняк, они широко растягивали тяжелые простыни и встряхивали их перед складыванием пополам, двигаясь почти с хореографической грацией; старшая из них стояла в стороне, вглядываясь в небо, пока не позвала всех за собой в дом. Он видел нескольких нищих, которые продвигались по улице обратно к Блошному Дну, с изможденными и истощенными лицами.

Джоффри проходил мимо швей и маляров; последние обычно держали в руках тяжелые кружки с дешевым элем и проводили взглядом первых, акцентируя внимание на больших грудях швей. Некоторые из тех мужчин имели маленькие шрамы от осколков камней на

ладонях, следы избыточной упорства от работы. Он увидел маленького мальчика, младше Рикона Старка, что неподвижно лежал на мостовой.

Красные плащи у ворот Красного Замка низко поклонились, когда он прошел мимо них.

- Вы вовремя вернулись, мой принц, как мне кажется, Семеро сейчас нашлют мощный летний ливень, - сказал Орланд, слегка улыбаясь из-под слишком маленького по виду красного плаща.

- Пожалуй ты прав, Орланд, пожалуй прав... - ответил Джоффри, на мгновение останавливая взгляд на страже. Полированный нагрудник блестел как зеркало, кроме небольшой заплаты сразу возле нижнего левого крепления, где было нарисовано изображение мелом. Страж до сих пор носил тот кусок обгоревшей древесины на шее, повешенный на короткой ленточке.

- Вас что-то беспокоит, мой принц? - неожиданно спросил тот.

Джоффри покачал головой, слегка улыбнувшись, и прошел дальше мимо стражи, шагая к Твердыни Мейгора. Ветер усиливал натиск, неся запах шторма, и принц остановился возле невысокой колонны, наблюдая за Томменом и Браном, что крутились друг вокруг друга с малыми щитами на небольшом дворе, пытаясь следовать ритму или, скорее, довольному мычанию Сандора.

Обучение по маневрированию оказалось слишком утомительным для Томмена, заставляя его споткнуться и врезаться в Брана, сбивая обоих на землю. Джоффри продолжил свое шествие; сердитый лай Клигана постепенно затихал с каждым новым поворотом.

Он прошел вверх по лестнице, прежде чем заметить мгновенную картину через окно: озабоченного Неда Старка в компании обеих дочерей, они все двигались к башне Десницы; это вызвало у него улыбку. Джоффри уже ушел от окна, как вдруг Мирцелла врезалась в него, ее лицо как будто посветлело, когда она взглянула на него.

- Эй, Джоффри! - поздоровалась она, прежде чем передать маленький цветок ему в руки.

- Это для меня? - спросил Джоффри, умиленно глядя на бледные и широкие, почти зеленые лепестки, окружавшие желтые тычинки.

Ее глаза как будто засветились, и она улынулась:

- Да! Ты каждое утро ходишь в Богорощу, поэтому я подумала, что если возьму цветок оттуда и оставлю у тебя в комнате, то это может помочь с твоими снами! - счастливо воскликнула она.

- Спасибо, Мирцелла, - сказал Джоффри серьезным тоном и немного наклонился,

- За все, - добавил он, с благодарностью глядя на нее.

- Цветок также подходит тебе, он похож на твои глаза, - сказала она нахально, выхватила цветок из его рук и повесила за ухом, прежде чем рвануть прочь. Джоффри хотел уже двинуться за ней, но она уже убежала, оставляя его в одиночестве в коридоре, поэтому он просто почесал ухо.

Он решил там и оставить цветок и продолжил движение к Твердыне Мейгора, наконец дойдя до деревянной лестницы, что привела его к одной из башен. Небольшой сверток одеял и книг до сих пор лежал там под открытым небом, вблизи картины Королевской Гавани. Город теперь было нарисован широкими резкими мазками, напоминая коллаж из серых и белых оттенков,

который могли бы оценить по полной только иббенийцы или северяне.

Джоффри прислонился около одной из бойниц, глядя на город, когда солнце почти спряталось за горизонтом. Облака над Королевской Гаванью выглядели темными и тяжелыми, ветер на высоте верхушки башни воспринимался достаточно теплым и на удивление слабым. Ниже, в городе, повозки и тележки уже исчезли с улиц. Люди выглядели мелкими с такой высоты, их крошечные силуэты бродили внизу, ища приюта под множеством белых и бурых зданий.

В отдельных домах и тавернах уже загорались яркие огоньки, что светились изнутри, каминные и печи, что привлекали к себе целые семьи или клиентов, когда барды, сказители и шарлатаны занимали места вблизи огня; словно какой-то древний инстинкт заставлял слушателей подходить ближе к источнику сказаний и пламени.

Вдруг начался дождь: отдаленное ворчание грома донеслось из дали, почти на грани слышимости. Джоффри закрыл глаза и чуть высунул голову наружу, умывая лицо дождем от пота и соли. Звезды выглядели мелкими крапинками на величественной темной облачной мантии, их свет время от времени пробивался сквозь прорехи в темно-сером море.

Он посмотрел на юг, словно пытаясь пробиться взглядом за горизонт, чтобы увидеть пески Дорна, темно-зеленые леса Штормовых Земель. Юноша подумал, в скольких небольших хуторах Простора сейчас закрывают окна и тяжелые двери, сколько морских капитанов и умелых моряков там, на востоке, за Узким морем, лихорадочно закрепляют канаты и паруса.

Дождь лил беспрестанно, почти переходя в ливень, ударяя по плечам, и вдруг загремело еще ближе, на мгновение осветив молнией весь город. Однако его это не беспокоило, сознание витало в абстрактных видениях, вспоминая как с вершины Лунных гор выглядела долина Аррен... огромные чаши серых и зеленых цветов на земле, окруженных острыми каменными шпильями, где каждая часть состояла из вихря других цветов, и чем-то неуловимым отличалась и одновременно напоминала палитру соседних частей.

Джоффри глубоко вдохнул, когда еще один раскат грома пронесся по небу почти над самим городом, ветер все еще был теплым, когда он прилетал с Черноводной. Он снял маленький цветок из-за уха, разглядывая промокший, несколько помятый цветок.

Пока он смотрел, дождь отломил один из зеленых лепестков, оставляя его висеть на ниточке. Джоффри бездумно повертел цветок в пальцах, когда гром снова проревел, сильный порыв ветра сорвал очередной лепесток и его сердце забилось быстрее.

Он задавался вопросом, были ли уже Томмен и Мирцелла в своих комнатах, или они побежали к кровати Матери, как делали это, когда были маленькими. Гром в небе не прекращался, эхо грома смешивался с шумом волн, словно море пыталось петь в унисон, почти в ритм с биением сердца, и он застонал от дискомфорта, переводя взгляд на картину с Королевской Гаванью.

Вода смывала краску, растворяя мазки и оставляя большие пятна по краям полотна, разливая белые потоки по всей картине. Он крепко закрыл глаза, почти расслабив руки, что держались за край бойницы, склонив голову, пока боль в груди достиг невозможных для выдерживания пропорций, и он глубоко вдыхал воздух, каждый раз все медленнее.

Джоффри думал о пышных полях Речных земель, спокойном достоинстве Староместа, быстрых оленях Штормовых земель.

Он думал о Джоне на далеком севере, о лице Неда, когда тот шагал в компании Сансы и Арьи,

о Сандоре с его привычной искривленной гримасой и матери с ее интригами.

Боль в груди уже был почти невыносимой, руки задрожали, и он подумал о льде и меди.

Медь, вспомнил он, слегка расслабив кулаки.

Юноша принял решение и поднял голову, посмотрев на город; огромный взрыв грома почти оглушил его, а боль в груди взорвалась, и он решился озвучить вслух.

– Я должен стать королем, – сказал он, слова потерялись на ветру, когда гром каким-то невероятным образом продолжал греметь позади него с яростью тысячи меньших бурь.

Он мгновенно обернулся, одной рукой держась за сердце от боли; в ушах звенело. В центре башни стоял Серебряный Лев, его рев превзошло все предыдущие взрывы грома. Зверь замолчал, когда Джоффри отпрянул назад, лишь чтобы удариться спиной в край башни. Лев, величиной с боевого рыцарского коня, смотрел на него светло-зелеными глазами, а его белую гриву шевелил ветер.

Джоффри застыл на месте, почти парализованный, лишь благодаря сильной хватке за край башни он не выпал спиной вниз, в объятия смерти.

– К-к-как? – запинаясь спросил он. Серебряный лев сел на задние лапы, склонив голову набок почти задумчиво, продолжая наблюдать за парнем.

Дождь продолжал поливать их, пока они оба смотрели друг на друга, его постоянный шум был единственным признаком того, что само время не замерло. Джоффри сумел подняться на ноги, неуклюже подкрадываясь ближе и ожидая, что лев что-нибудь предпримет. Однако огромный зверь просто уставился на него, его странно знакомые глаза сверлили его собственные. Постепенно дождь начал ослабевать, гром и дальше гремел, но уже значительно дальше, где-то над Королевским трактом, ветер медленно стихал.

Вскоре он подошел к зверю вплотную, подняв руку, чтобы коснуться львиной головы. Джоффри как-то знал, что Серебряный Лев не обидит его, странное ощущение родства вело его руку, когда он погладил белокурую гриву... это было так, словно он почти всегда знал это. Лев практически рухнул на бок и замурлыкав, когда Джоффри почесал его за ухом, как огромного кота.

– Нравится, а? – вслух спросил Джоффри, зная, что так и есть. Шок быстро прошел, почти неестественно быстро, словно он знал Серебряного льва так хорошо, как и самого себя. Дождь начал заканчиваться, капли падали все реже, и он сел сбоку у льва; глубокая усталость окутала его, и он просто откинулся спиной назад на пузо льва, который повернул голову набок, чтобы тот и дальше чесал его, не задумываясь.

– Это наше бремя... мы должны все сделать правильно... – бормотал Джоффри, когда глубокая летаргия поглотила его, веки глаз отяжелели, пока единственным, что он еще мог видеть, было лишь частично облачное небо. Сознание словно окутал мглой, когда Серебряный лев тоже повернул голову и уставился неподвижным взглядом светло-зеленых глаз в звезды над ними, так же, как и Джоффри за мгновение до того. Из глубин памяти вынырнул воспоминание, словно проблеск ясности, когда он вглядывался в покрытый звездами купол неба.

– Наблюдатель звезд... – он назвал своего необычного компаньона, уголки рта поднялись, когда послышалось тихое львиное урчание.

- Хорошо, тогда Звезды... - исправился он с легкой улыбкой, хотя его мысли вскоре перемешались, и он не имел сил, чтобы говорить, он мог только созерцать звезды пока веки медленно начали закрываться.

В голове бушевали тревожащие, перемешанные мысли. Слова архимейстера Ваэллина угадывались под напором видений, как руки старого звездочета рисовали орбиты под Залами Цитадели; Высокая башня светила маяком в темноте, серый горизонт Потустороннего и безоблачные ночи невероятных степных просторов...

Звезды, и мысль ударила его, когда он медленно вынырнул из видений и повернул голову слегка вправо, глядя в ночное небо над головой. Он увидел линии, очевидные линии между звездами на севере, нарисованные его зрением; они состояли не из воина или солдата, а из Рыцаря. Рыцаря, который держал меч и щит в руках. Джоффри медленно повернул голову дальше и нашел Метлу, очень похожий силуэтом на обычную булаву, если повесить ее вверх тормашками: скопления звезд, названное так простонародьем в древние времена, названную в честь привычного предмета повседневной жизни...

От нее было довольно далеко до четко видимого дерева, названного так еще Первыми людьми: его и до сих пор так называли, даже после многочисленных попыток андальских астрономов переименовать созвездие. Глаза Джоффри следили за воображаемыми линиями между звездами, названия всплывали в сознании вместе с воспоминаниями о запахе мела в Староместе и шелест древних томов...

Чардрево.

Это были не руны...

Это же созвездия, - подумал он шокировано, не имея сил моргнуть, так как те линии навеки остались на глазной сетчатке.

Созвездия, которые имели бы хоть какое-то значение только для глаз современного вестеросца, который знает их значение и историю возникновения этой смеси культур, результат созерцания неба андалами и первыми людьми еще с доисторических времен, синкретический пантеон небесных фигур, возник лишь благодаря уникальной истории нашего континента...

Ответы всегда смотрели на него с небес, сияя в вышине.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://tl.rulate.ru/book/61076/1918018>